

О ГОЛЬДГОЕР З. Я. — ФИГНЕР В. Н.

ГОЛЬДГОЕР Зинаида Яковлевна. С 1918 — работала в советских учреждениях, после 1922 — была уволена, безработная. 10 марта 1924 — арестована в Ленинграде, 12 сентября приговорена к 3 годам концлагеря и в ноябре отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения.

В декабре 1925 — к В. Н. Фигнер обратилась за помощью давняя подруга ее дочери, Маргарита Романовна Иогансон.

<Декабрь 1925>

Глубокоуважаемая Вера Николаевна!

Каждый из нас, молодежи, трепетно следил, а впоследствии читал о Вашей жизни. Зная о вас, как о человеке, перенесшем в свое время тяжкие физические и моральные страдания, укрепившего ими свое человеческое сердце, я обращаюсь к Вам с просьбой, заранее уверенная, что путь к Вашему сердцу найду и получу отклик.

Прошу не о себе, а о матери моей подруги детства, находящейся в чрезвычайно тяжких условиях, гибнущей в силу каких-то необъяснимых, роковых обстоятельств, лишенная всяческой поддержки, и абсолютно одинокая.

Дело в следующем. Год тому назад, 10 Марта 1924 г<ода> была арестована ГПУ некая гражданка Зинаида Яковлевна Гольдгоер (мать моей подруги), одинокая, немолодая женщина исключительной порядочности. Арест произошел при следующих обстоятельствах. Муж ее, бывш<ий> генерал в 1919 году эмигрировал за границу, куда через год перетянул и двоих детей, покинувших обманным способом З. Я. Гольдгоер. Последняя осталась совершенно одинокой; покинуть пределы СССР отказалась наотрез, категорически не желая пополнить ряды эмиграции, к тому же отношение ее к мужу, бывшему ее опекуну, были всегда недостаточно сильны, вследствие расхождения во взглядах, разницы лет, его сурового характера и пр<очее>, чтобы принести в жертву любовь к родной стране.

Оставшись одинокой, З. Я. мужественно перенесла все невзгоды, холод и голод первых лет революции, работая и служа честно и добросовестно в Госучреждениях. Не ощущая на себе деспотическую опеку мужа, она, по ея собственному признанию, считала себя раскрепощенной, а посему и отношение ее к событиям в России были положительного характера. Естественно, как человек выросший в специфических условиях домашнего быта, она была и осталась совершенно чуждой какой-либо политике.

Последнее время, до ареста, она была без работы, вследствие сокращений, почему на настоятельные просьбы своей сестры, живущей в Риге, приехать к ней на несколько месяцев — ответила согласием. Получив в феврале 1924 г<ода> заграничный паспорт и все необходимые бумаги, она должна была уехать до сентября-октября в Ригу, но почти накануне отъезда, 10 Марта была внезапно арестована по ордеру Ленинградского Госполитуправления и заключена в Дом Предварительного заключения; причем, содержание ее под стражей сопровождалось предъявлением ст<атьи> 60 Уг<оловного> Кодекса.

Будучи заключена в одиночку (особый ярус) без книг, прогулок и пр<очее> (строгая изоляция) она пробыла в таковом 6 месяцев, к концу коих заболела психическим расстройством, и по настоянию врачей была переведена в общую женскую камеру, где пробыла еще около 3-х месяцев, после чего по приговору Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 12/IX

24 г<ода>, была отправлена 19 Ноября 1924 г<ода> в Соловки, как приговоренная к заключению в концлагере сроком на 3 года.

Никаких конкретных обвинений ей предъявлено не было. Никакого правонарушения с ее стороны не было, даже пассивного.

Уход ее мужа и затем детей ею никогда не покрывался. Достаточно сказать, что по поводу их нелегального отъезда, в свое время (21 г<од>) была вызвана в ГПУ, где дала исчерпывающие показания. Таким образом, т<ак> к<ак> называемое недоносительство места тоже не имеет. Если же у Зинаиды Яковлевны и была переписка с детьми и мужем, — естественно не прерывать связь с людьми, с которыми прошла почти вся жизнь, к тому же переписка чисто семейного характера, вполне лояльная и по содержанию, и по способу (почтой.)

Иными словами, — к<а>к официальной стороной дела, так и действительностью, арест ее и приговор ничем буквально не мотивируются и объяснены быть не могут.

Остается одно предположение, а именно: в отношении ее была предпринята мера репрессии, как к элементу, по формальным признакам (классовое, происхождение) относимому к антисоветскому, и она механически вошла в число высылаемых из гора Ленинграда, после массовых арестов весной 1924 года (т<а>к называемая чистка города).

Говорить об ее уклоне — крайне смешно. Аполитичная до мозга костей, изнуренная физически и морально — она не являла собой, конечно, общественно опасный элемент.

Даже следственные органы в течении 9 месяцев не смогли предъявить ей какого-либо конкретного обвинения!

Так за что? Неужели за то, что она не хотела покинуть, бежать из Республики в свое время, считая это позором, не желая покидать России воровским способом?! И за это ее, кристально честную и бесконечно чистую перед Советской властью, подвергли мукам!

Кому нужно ее заключение? Для кого опасна она? Жизнь ее угасает. Там, в далеких Соловках, эта бедная, одинокая женщина, без помощи и поддержки пропадает. И пропадает без вины, не зная ее за собой, из-за каких-то случайных, роковых обстоятельств, никому даже не известных! Вы знаете страдания. Порой они искупаются, облегчаются сознанием приносимой пользы. Они легче — если несутся за что-либо, за актив, за действия, запрещенные в момент их совершения властью. Но когда страдания — результат стихии, ничем не оправдываются, ничем не вызваны — они умерщвляют человека и только. Нужно ли это кому-нибудь или для чего-нибудь? Правде, совести, разуму — это не нужно.

Дорогая Вера Николаевна, Вы понимаете, что чувства, волнующие меня — волнуют и не могут не волновать всех людей с сердцем. Можем ли мы пройти мимо напрасных, нечеловеческих мук одинокой, измученной, больной женщины?

Я — сирота. Я знаю, к<а>к тяжело жить одной. Я не могу пройти мимо скорби матери моей подруги. Ведь никто не может больше просить за нее. — Кого просить? Долго мучительно я думала и решила — Вас. Вас, потому что Вы знаете страдания, их цену; Вас — ибо Вы женщина исключительного духа и мощи чувств человеческих, Вас — ибо привыкла чтить и считать для себя примером Вашу жизнь; Вас — ибо я твердо уверена, что не пройдете мимо, не отмахнетесь от моей просьбы, как от докучливой мухи, а сделаете все, что в силах Ваших, употребите всю силу свою, весь авторитет для спасения Зинаиды Яковлевны Гольтгоер. Ведь я прошу горячо за нее, как может просить только за мать бесконечно любящая дочь. Пусть эта одинокая женщина станет близка Вам, к<а>к сестра.

В моем письме — одна только правда. Лгать Вам из-за одного только желания помочь З. Я. — я никогда бы не посмела. Пишу правду, больную, тяжкую правду.

Год мучений прошел для З. Я. Гольтгоер. Каждый день уносит частицу ее жизни. Неужели она должна погибнуть, ведь ее психическое заболевание в ее возрасте может оказаться неизлечимым! Что тогда — подумать страшно.

Только свобода вернет ее к жизни, которой т<a>к немного ей осталось. Неужели недостаточно года мук?!

Вся надежда на Вас. Помогите во имя справедливости, гуманности.

В книгу Вашей жизни эту маленькую новую строчку с каким чувством радости, жгучим вниманием прочтем, так верующая в Вас молодежь и впишем в скрижали сердец приходящим нам на смену.

М. Иогансон.

Если Вам потребуются какие-либо сведения, подробности, то мой адрес: Детское Село. Ленинградской губ<ернии>, ул. Коминтерна, д. 7. Маргарита Романовна Иогансон.

Буду бесконечно признательна, если поставите меня в известность о том, примите ли на себя миссию ходатайствовать и каковы результаты.

Заранее признательна М. Иогансон»¹.

¹ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 82. С. 329-330. Автограф.